

ЛЮБОВНИЦЫ ИМПЕРАТОРОВ

Ульяна Эсс

АННА

ТАЙНА ДОМА РОМАНОВЫХ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э86

В оформлении переплета использована иллюстрация
Елены Шуваловой

Эсс, Ульяна.
Э86 Анна. Тайна Дома Романовых / Ульяна Эсс. — Моск-
ва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Любовницы им-
ператоров).

ISBN 978-5-04-088572-5

Так начинались едва ли не все самые драматические, самые безумные истории о любви. Российский самодержец Павел I на балу обратил внимание на дочь московского сенатора Анну Лопухину...

И весь мир для него вдруг мгновенно преобразился. Куда делись императорская невозмутимость, сдержанность и самообладание?

Непозволительные чувства хлынули, как цунами, смыв в туманную даль бесконечные заботы и тревоги о судьбе России. Вмиг охладил некогда пылкий интерес к фаворитке Нелидовой. В сердце государя теперь была только она, юное, божественное создание, и она оставалась там до жуткой кончины Павла I.

По сей день с полотен художников, писавших портреты Лопухиной, смотрит на нас очаровательная молодая женщина с большими темными глазами, которые как бы говорят: «Я была рождена для тихой семейной жизни, но, увы, вышло совсем по-другому...»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Эсс У., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-04-088572-5

Глава 1

В начале мая 1798 года Москва находилась словно бы в лихорадке. Повсюду спешно красились фасады домов и заборы усадеб, ветхие строения, выходявшие на главные улицы, либо укреплялись, либо вовсе сносились. Особенно большая суета царила вокруг Александрийского дворца. На площади перед дворцом заменялась брусчатка, заливалось масло в фонари, стоявшие вокруг парадного подъезда, сам подъезд начищался до блеска. Причина этих приготовлений состояла в том, что ожидался приезд в Белокаменную императора Павла Петровича. Событие, что и говорить, чрезвычайное!

Правда, государь уже приезжал в Москву в прошлом году — его величество соизволил устроить в древней столице свою коронацию. Тогда московское начальство с ног сбилось, приводя город в порядок. Многие обветшавшие строения были убраны с главных улиц, ямы на дорогах засыпаны, и вообще город принял пристойный облик. Казалось бы, за год Москва не могла стать хуже, и можно было особенно не беспокоиться. Однако за минувший год многое случилось. И прежде всего — стал известен чрезвычайно крутой и вспыльчивый нрав нового самодержца всероссийского. До Москвы дошли сведения о том, как государь

во время смотров собственноручно сдирал эполеты с оплошавших офицеров и разжаловал их в рядовые, как снимал с должностей и отправлял в отставку самых видных начальствующих лиц. И это в Санкт-Петербурге, сиятельной столице, где собран цвет русского общества! Что же тогда говорить про Москву, не имевшую столичного блеска? Сколько упущений мог углядеть за время пребывания здесь придирчивый взгляд самодержца! Так что неудивительно, что у всех московских чинов, начиная с последнего урядника и кончая генерал-губернатором, поджилки тряслись.

Нынешний приезд государя не был приурочен к какому-нибудь особенному событию. Просто император решил осмотреть свои владения в их центральной части. После Москвы он должен был посетить также Казань. Павел ехал один, без супруги — императрица Мария Федоровна, только что разрешившаяся от бремени очередным, девятым по счету, ребенком, оставалась в Санкт-Петербурге. Поэтому пребывание его величества в Белокаменной не планировалось быть продолжительным, государь пробудет здесь три или четыре дня. Главным событием визита должен был стать бал, который состоится здесь же, в Александрийском дворце.

Императорский поезд — из двадцати четырех карет с сановниками, трех дюжин возков с поклажей и двух конных эскадронов сопровождения — прибыл в древнюю столицу около полудня. Предполагалось, что после прибытия государь будет отдыхать, однако Павел уже тут проявил свой неукротимый нрав. Едва выйдя из кареты возле дворца, он заявил, что желает произвести смотр войск, расположенных в городе. И пришлось

сановникам, только собравшимся вкусить московского гостеприимства, отправляться вслед за государем на плац. С плаца Павел велел везти себя в присутствия, от туда — в собор Василия Блаженного, где он хотел отстоять начало службы. И только потом разрешил себе краткий отдых перед балом. За время своей инспекции император никаких особых упущений не выявил, и наказаний не последовало. Но всем, кто его видел, его невысокая фигура, с его резкими быстрыми движениями, его лицо, выражавшее непреклонную решимость, успели внушить глубокий страх. И страх этот волнами распространился по всей дворянской и чиновной Москве.

В восемь вечера, когда стало темнеть, перед парадным подъездом зажглись масляные фонари, и начался съезд гостей, приглашенных на бал. Восемь — это было, конечно, весьма рано. В прежние времена, в царствование императрицы Екатерины Великой, увеселения начинались гораздо позже и продолжались всю ночь. Однако новый государь и здесь, как и во всем другом, решил нарушить установления, данные его матерью. Он заявил, что днем надо трудиться, вечер уделять веселью, а ночью спать, соблюдал этот порядок неукоснительно и собирался еще до полуночи удалиться с бала. Само увеселение после этого могло продолжаться еще какое-то время, но недолго — затягивание танцев вызвало бы гнев государя.

Что ж, ладно, и четырех часов хватит, чтобы дамам и девицам показаться во всем своем блеске, а мужской части общества хорошенько рассмотреть московских невест, затеять разговор и показать себя с лучшей стороны. Так рассуждали приглашенные, ибо никакой страх не может отвадить молодых де-

виц от обещанных танцев, а молодых людей — от возможности знакомства с девицами.

Меж тем в лучших покоях дворца, отведенных для императора, Павел одевался для бала. Одевать императора было доверено его личному камердинеру и брадобрею Ивану Кутайсову. Надо заметить, что Иван Павлович занимал при государе совершенно особое положение, Павел доверял ему не только свое незащищенное горло, к которому брадобрей каждое утро подходил со своим отточенным инструментом, но и свои мысли и сердечные тайны.

Вот и сейчас, облачаясь в атласную рубашку и примеривая парик, Павел рассуждал:

— Это хорошо, что моя супруга осталась в Петербурге. Иногда она со своими наставлениями делается вовсе несносной. В последнее время постоянно норовит давать мне советы. И ладно бы еще по хозяйственным делам, по тому, какой держать выезд, да как лучше украсить залы в Павловском дворце! А то ведь перед самым нашим отъездом из столицы Мария Федоровна пустилась рассуждать о нашем имеющем быть союзе с английской королевой! Неслыханное дело!

— Не такое уж оно неслыханное, ваше величество, — заметил Кутайсов. — Ваша царственная супруга уже год как тщится оказать влияние свое на ход государственных дел. И мне ведомо, почему она так поступает.

— Вот как? И почему же?

— Ее величество в этих делах не своим умом рассуждают, а следуют внушению другого лица. И вы отлично знаете какого.

— Не темни, ты же знаешь, я этого не люблю. Что за лицо ты имеешь в виду?

— Госпожу Нелидову, ваше высочество, — заявил камердинер и на всякий случай отступил на шаг от императора. Ведь он хорошо знал бешеный нрав своего господина и благодетеля.

И правильно сделал: Павел так резко развернулся, так взмахнул своим маленьким сухим кулачком, что вполне мог бы задеть нос или другую часть лица своего камердинера и друга.

— Как ты смеешь об этом рассуждать! — вскричал император. — И ты туда же! Да, я провожу с госпожой Нелидовой много времени наедине. Но тут нет ничего плотского! Мы предаемся утонченным размышлениям, ищем мудрости, говорим о возвышенном!

— А разве я говорил о чем-то плотском? — возразил Кутайсов. — Я всего лишь сказал, что Катерина Нелидова близка к вашей особе, стало быть, имеет влияние. И это она внушает вашей царственной супруге подступать к вам с разными советами.

— Вот как? Ладно, чего ты отошел? Завязывай шарф, да сделай, как я люблю, покороче. Да, вот так. Что ж, я тоже заметил, что госпожа Нелидова... что она стала дерзка, упряма... что забрала слишком много в свои прелестные ручки. Но что делать? Она так мила! Имеет столь возвышенный ум! Где еще я найду такую прелестницу? — И государь тяжело вздохнул.

Это был важный момент. Момент, которого брадобрей и камердинер долго ждал. Теперь нельзя было упустить представившуюся возможность. Надо было повести дело тонко, умно... Тут важно каждое слово. И первым делом надо согласиться с государем, выразить ему полное сочувствие.

— Да, найти даму столь же тонкой души — дело нелегкое, — сказал Кутайсов и вздохнул столь же тяжко, словно и сам страдал от той же нехватки. — Однако...

Тут он сделал значительную паузу. Надо было, чтобы император выказал интерес. Не выкажет — значит, так тому и быть. Значит, в другой раз придется начинать ту же беседу.

Однако Павел захотел узнать продолжение начатой брадобреем фразы.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он. — Что «однако»?

— Я хочу сказать, что дело это нелегкое, но возможное, — продолжил Кутайсов. — Что имеются на свете дамы и девицы столь же милые и исполненные превосходных качеств. Да что далеко ходить! Вот, изволите видеть, я только что вспомнил...

Ах, какое это было вранье! Уже месяц, не меньше, думал Иван Павлович над этой интригой — и вот «только что вспомнил»!

— Только что вспомнил, что здесь, в Москве, живет одна такая девица. Мне передавали из верных рук, что девица сия хотя и юна, но отличается острым умом. А главное — по уши, буквально по уши влюблена в Ваше Величество!

— Вот как? — заинтересовался Павел. — И как же зовут эту особу?

— Анна, ваше величество, ее зовут Анна. Она дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина. Ей двадцать один год...

— Ну, не так уж она и юна... — буркнул самодержец.

— Свежа как персик! Само совершенство! Да вы сами сможете оценить, как только увидите.

— Когда же я увижу это твое совершенство?

— Да вот прямо сейчас и увидите! Сей же час, на балу. Она туда приглашена вместе с отцом.

— Вот как? Знаешь, поправь немного здесь. Да, теперь хорошо. Ну, как я выгляжу?

— Прекрасно, государь! У вас строгий и мужественный вид. Вы — истинный рыцарь!

Кутайсов знал, чем польстить императору. Сильнее всего на свете Павел хотел выглядеть именно как рыцарь и воин. Однако никогда не выглядел. Тут были бессильны и наряды, и усилия парикмахеров. Император, весьма похожий лицом на своего несчастного отца, был редкостно некрасив. Злые языки (за глаза, разумеется) называли его самым некрасивым мужчиной в империи и даже уродом. Особенно неприятным лицо Павла становилось, когда на него находили приступы ярости — а это случалось довольно часто. В это время самодержец всероссийский становился похожим на обитателя преисподней, как их изображают в некоторых церквях на клиросе. Впрочем, и в другие, обычные моменты оно не делалось приятным. И только когда он глубоко задумывался или слушал хорошую музыку, морщины на его лице разглаживались, глаза делались больше, и облик самодержца становился привлекательным.

— Что ж, значит, можно и выходить, — произнес Павел. — Как, говоришь, зовут твою пассию? Анна?

— Так точно, государь, Анна Лопухина. Да я ее подведу к вашему величеству, представлю. Может, вы соизволите станцевать с ней менуэт или экосез...

— Может, и соизволю. Сначала надо посмотреть на эту девицу. Расписывал ты ее хорошо, а вот как-ва она на самом деле?

— Тут ведь не только красота важна, государь, — напирал Кутайсов, стремясь закрепить полученный успех. — Тут важно устремление юной девушки, которая только и мечтает...

— Да, помню, ты говорил. Но когда же она девица успела в меня влюбиться, живя в Москве? Разве она выезжала в Петербург? Что-то я не помню, чтобы мне представляли кого из Лопухиных...

— Нет, государь, в столицу она не выезжала, это вы верно заметили. Анна видела вас в прошлом году, на торжествах по случаю вашей коронации. Ведь вы тогда соизволили приезжать в Белокаменную, вот она вас и видела. И весь прошедший год только о вас и думает. По крайней мере, верные люди мне так передавали.

— Верные люди? Интересно, интересно... А ты мне, часом, не врешь?

— Что вы, государь, как можно?! — воскликнул Иван Павлович, и на лице его выразилась обида.

— Ладно, ладно. Знаю, что ты мне верен. Побольше бы таких верных и преданных... Ну, ладно, увидим, какова твоя Анна. Все, иди объявляй мой выход.

Кутайсов с поклоном удалился в следующий зал, где собрались важнейшие из московских сановников — они первыми должны были приветствовать императора при его выходе. В душе брадобрея и верного соратника Павла пели трубы. Интрига, на которую он затратил столько усилий, кажется, удалась...

Глава 2

Тут необходимо дать некоторые пояснения. Прежде всего нужно признать, что Иван Павлович своему государю все-таки лгал. Никакие верные люди не доносили ему о том, что девица Лопухина будто бы страстно увлечена самодержцем. Не доносили, потому что такого увлечения вовсе не было — Кутайсов его просто выдумал.

Анна Лопухина была обыкновенная московская барышня на выданье, и выданье это, надо признать, не слишком удавалось. Сидеть в девках до такого возраста, до двадцати одного года, в те времена считалось несчастьем. Впрочем, винить в этом надо было никак не саму Анну.

Она не была красавицей, не отличалась глубоким умом, не получила хорошего образования. Зато имела добрый нрав, не любила ни о ком злословить и без конца перемывать косточки ближним, что являлось любимым занятием большинства московских барышень. К тому же она была весьма мила — не красива, а именно мила. Современники говорили, что старшая дочь сенатора Лопухина отличается необыкновенным очарованием. А еще она была не болтлива, внимательна к домашним — превосходные качества для девушки, собирающейся стать чьей-ли-

бо супругой. Почему же в таком случае она не имела женихов? В этом печальном обстоятельстве, как и в отсутствии у Анны хорошего образования, виноват был прежде всего ее отец, сенатор Петр Лопухин. Люди, знавшие сенатора, характеризовали его как человека волевого, умного, но при этом скупого и мстительного, который за всю жизнь никому не помог, никому не сделал ничего доброго.

Анна рано осталась без матери. Ее мать, Прасковья Дмитриевна, урожденная Левшина, умерла от горячки, когда девочке едва исполнилось восемь лет. Петр Васильевич, оставшись вдовцом, горевал недолго и в том же году женился вторично. Его новая избранница, Екатерина Шетнева, которая должна была заменить мать троим детям сенатора, никак не могла этого сделать в силу своего характера. Она была взбалмошна, ветрена и весьма падка на мужское внимание. Даже для екатерининского времени, снисходительного к супружеским изменам, ее поведение казалось чрезмерным: молва твердила, что новая супруга сенатора Лопухина умудряется иметь одновременно до пяти любовников! Особенно благоволила новая жена сенатора красивому офицеру Федору Уварову. Впрочем, Петр Васильевич не отставал от молодой жены, они, что называется, нашли друг друга.

Понятно, что при таких родителях дети оставались заброшенными. Например, Анна не выходила в свет и не бывала на балах аж до двадцати лет. Откуда же в таком случае взяться женихам? Ей не нанмали учителей, не было у нее и хорошей гувернантки, ее никто не учил манерам, принятым в высшем

обществе. Удивительно, как в таких условиях девочка вообще чему-то научилась.

Однако ведь научилась же! Она умела читать и писать (правда, не очень грамотно), изъяснялась по-французски, что было обязательным для дворянской девушки того времени. А главное, она, хотя и не была наделена от природы глубоким умом, отличалась сообразительностью и большой чуткостью. Анна прекрасно понимала, что собой представляет тот или иной человек и как следует относиться к нему и его словам. А еще она была мечтательна. Как и всякая девушка, она мечтала о любви, думала о супружестве, представляла себе своего будущего суженого...

Известие о том, что они всей семьей приглашены в Александрийский дворец на бал по случаю приезда в Москву государя императора, привело Анну в смятение. Ей очень, очень хотелось попасть на этот праздник (ведь она совсем не была избалована частыми выездами), но у нее не было подходящего платья! Ее гардероб был весьма скромн, если не сказать убог. Отец вообще не давал дочери денег на обзаведение, как мы помним, сенатор Лопухин отличался скупостью.

Но тут, как ни странно, на помощь Анне пришла ее мачеха. Екатерина Шетнева, ставшая Лопухиной, была женщиной в целом не злой. Узнав от нянек о нужде своей падчерицы, она отправилась к мужу и сделала ему строгое внушение, что негоже знатному человеку, сенатору, держать взрослую дочь в таком небрежении. То ли речь молодой супруги оказалась такой строгой, то ли еще по какой причине, но Петр Васильевич осознал свою ошибку

